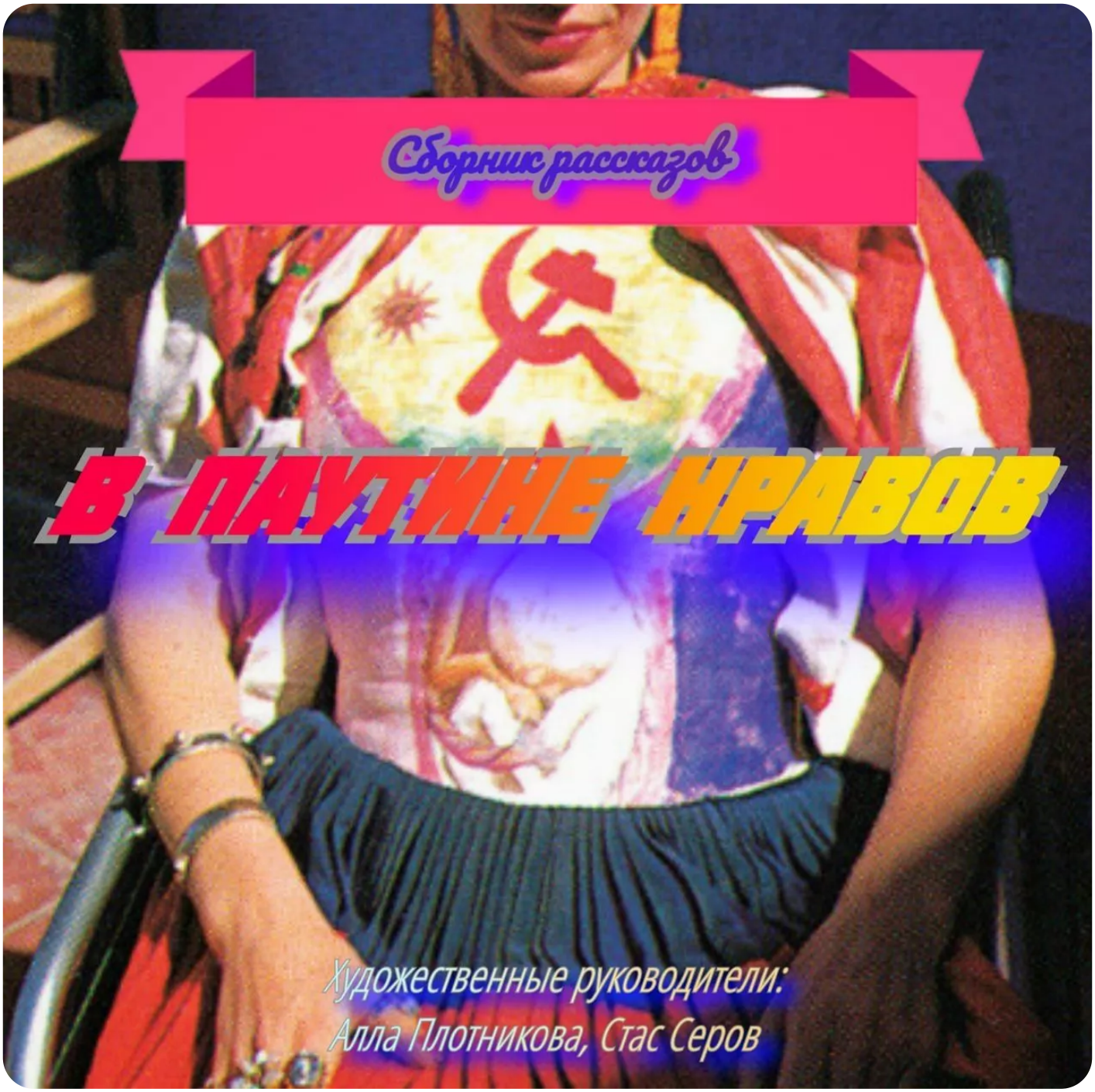

Цикл рассказов "В паутине нравов". Рассказ первый: По дороге в Рыбинск-1

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Алла Киселева

Ссылка на публикацию

Глава 1

— Дорогой, взгляни: какая чудесная фотография, — отвлекая мужчину от сосредоточенного вождения, почти закрыв обзор, протянула она смартфон. Мужчина едва взглянул:

— Да, дивно…

На фото в цитриновом зареве жаркого вечера запечатлена семья. Женщина обнимает за талию мужчину, её саму держит за плечи совсем юная, лет четырнадцати, девушка, склонив голову матери на плечо. А мужчина, вполоборота повернув голову, откровенно любуется обеими своими девочками. По другую сторону, взявшись за руки, точно юные влюблённые, навсегда на фотоснимке застыла пожилая пара. Можно предположить, что это родители кого-то из супругов. Все улыбаются. А за их спинами, словно пригревшись под золотым светом, вполглаза дремлет Сфинкс — никогда не спящий страж пирамид.

В мужчине на фото трудно узнать сосредоточенно управляющего машиной угрюмого водителя, но это именно он. На это указывает и причёска с пробором посередине, и очки маленькие, затемнённые, в золотой оправе и, главное, шрам над верхней губой, придающий, в целом аккуратным, женственным губам, небольшую асимметрию, впрочем, заметна она только, когда он улыбается. Видимо, был повреждён один из двигательных нервов. И левая сторона верхней губы всегда остаётся грустной. С подобным сталкиваются многие боксёры и бойцы прочих единоборств. И сам мужчина, хоть и является врачом-психотерапевтом, получил свой шрам не в устном сражении, за зачёт с преподавателем, а в кулачном бою со шпаной. В юности он заступился за девушку, к которой приставали хулиганы. И хотя сумел отстоять и себя, и честь девушки, но был вынужден расплатиться изувеченной губой.

Лишь однажды, ночью, отдыхая после занятия сексом, он признался сидящей на пассажирском сидении женщине, что шрам, ещё в раннем детстве, ему на память оставил, старый и злой кот по прозвищу Трубкозуб, когда он хотел накормить того горчицей.

Его же спутница и на фото всем своим видом излучала жизнерадостность. Она из той породы людей, взгляд которых направлен исключительно вовнутрь. Для них не имеет значения: светит ли солнце или льёт дождь, и оно скрыто за тучами. Эти люди всегда счастливы. Неважно: за окном распласталась нежная дурочка Россия или скукожился величественный патриарх Египет.

Впрочем, и у этих жизнелюбов имеется злой брат близнец. Это те люди, взгляды и мысли которых направлен вовне, оттого они всегда в плохом расположении

духа, а главную цель существования видят в отравлении жизни соседям, в случае, если ещё в детстве у них не обнаружился — такой частый для этой породы — дар писательства. Если же обнаружился — всему человечеству.

Дочь, по всей видимости, переняла от матери эту особенность большинства счастливых людей — не замечать и, не обращая никакого внимания на красоты подмосковной природы и бесконечную печаль русской разрухи, залипала в телефоне.

В то время, пока мужчина пробовал одной рукой отвинтить с бутылки воды крышечку, (снять с руля обе руки не позволяли жизненные позиции), женщина выкладывала в Инстаграм (тогда ещё доступный и свободный) ту самую фотографию с Сфинксом, дополняя её подписью: «Ещё три недели назад мы были чужими, не знакомыми людьми, а уже сегодня едем в гости к родным нашим, Вере Александровне и Валентину Павловичу». Венчают подпись разноцветные сердечки.

— Юль, открой, пожалуйста, — протянул водитель бутылку.

– Правда, здорово, что мы решились ответить согласием на приглашение? И последнюю неделю каникул проведём не в душной Москве, а на природе, — приняв бутылку, спросила Юля, по сути, у самой себя, и сама бы ответила, но…

– Здоооровоооо! — подражая восторженному тону матери, за неё ответила сидящая, за водителем на заднем сиденье, юная девушка: — Комаров кормить и слушать коровье мычание, конечно, лучше, чем быть в душной Москве!

— Да ладно тебе, Нин, посмотри какая красота за окном, — не заостряя внимания на выпад дочери, парировала мать. И сама, заблокировав дисплей смартфона, только в ту секунду, впервые взглянула в окно.

А за окном лежала страна не менее загадочная, чем Египет, но если древние развалины Долины Царей вызывали в душе возвышенные чувства, призывая устремить взгляд в вечность, в самую суть мироздания, то развалины советских Совхозов и Колхозов, ничего, кроме грусти, вызвать были не способны. И если и призывали куда-то устремить взгляд, то только в сторону — лишь бы не видеть. Ну, или как женщина на пассажирском сиденье японского автомобиля и её дочь, сидящая позади — в дисплей смартфона.

— Ах, какая красота, — снова изобразила тон матери Нина и окончательно погрузилась в телефон, где словно Птах паря над темными водами интернета неизвестный её родителям мужчина, с закрытой странички выпрашивал у их дочери нюдсы. Она отвечала, что пока не может, и отправляла из отцовской

машины, неизвестно куда задумчивые селфи.

— Андрюша, держи, — женщина передала сосредоточенному водителю бутылку с водой. Он, желая убедиться, точно ли, крышечка отвинчена, бросил на неё быстрый взгляд и тут же понял, что совершил непоправимую ошибку — всё-таки нарушил жизненные принципы. Боковое зрение различило: как совсем близко на дорогу вышла девочка, такая же маленькая, как совсем недавно, по крайней мере, отцу так казалось, сидящая на заднем сидении, девушка. Тормозить было поздно.

Водитель резким движением дёрнул руль влево, швырнув автомобиль на соседнюю полосу, но и этот манёвр оказался запоздалым. От удара маленькое тельце взметнулось в воздух и, пролетев с десяток метров, кровоточа, упало в кювет, в заросли молодых осин.

Нога с такой силой вжала тормозную педаль в пол, что будь на её месте твердолобый череп бегемота, то и он оказался бы раздавлен. Машина легко, словно не по асфальту, а по льду, стирая шины, дымя и визжа, разбрасывая пластиковые осколки разбитого бампера, заскользила юзом. Смартфоны разлетелись по салону. Бутылка с водой расплескалась и улетела под сиденье. Ремни безопасности, точно прочные шёлковые бинты, крепко стянули тела сидящих в машине людей. Как только автомобиль всё-таки остановился, у Нины незамедлительно началась паника, но вызвана она была совсем не осознанием, что одна маленькая жизнь оборвана и их собственные жизни сохранены чудом. И пока женщина, ударившаяся носом о торпеду, пыталась при помощи влажных салфеток остановить кровотечение, Нина, на удивление быстро собравшись, вместо того, чтобы помочь матери, начала поиски телефона, так словно обронила на пол не аппарат, вся суть которого по сути может быть сведена до переговорного устройства (чего Исфеты и добиваются всеми силами), а собственную, бесценную жизнь. А водитель, несмотря на то что автомобиль уже остановился, продолжая крепко сжимать руль, пытался отдышаться и тревожно молчал. Так что истери он — было бы проще. От этого же, до звона сосредоточенного, молчания веяло минуту назад выкопанной могилой.